

К 75-ЛЕТИЮ

ЛЕОНАРДА АЛЕКСАНДРОВИЧА КАЛИННИКОВА

ЗА ЧИСТОТУ КАНТОВСКОГО НАСЛЕДИЯ

Чем истинный кантианец отличается от не-кантианца? Есть много версий не-кантианства, собственно, вся после-кантовская философия может быть отнесена к таковой: гегельянство и неогегельянство, феноменология, аналитическая философия, прагматизм, религиозная философия и даже неокантианство как самостоятельное и оригинальное направление. А что же тогда кантианство? И может ли оно в данном контексте вообще претендовать на отдельное самостоятельное философское направление? С не-кантианской современной философией все более-менее понятно: в той или иной степени отталкиваясь от гениальных кантовских работ в фундаментальных вопросах гносеологии, этики, эстетики, философии религии, антропологии, представители самых разных философских школ находят те проблемы, которые, по их мнению, Кантом исследованы недостаточно глубоко или совсем остались вне поля его зрения, исследованы неверно, ограниченно, являются с его стороны исторически, идеологически либо еще как-то обусловленными.

Что же касается кантианства, то здесь мы сталкиваемся с рядом устоявшихся в философской околоскантианской среде предубеждений. Прежде всего, кантианство относят к начальному периоду внимания к кантовской философии, то есть имплицитно присутствует мысль об его ограниченной актуальности. Во-вторых, его связывают в большей степени с задействованием трансцендентального метода в естественных науках либо с филологическими проблемами, возникающими в процессе перевода текстов Канта на другие языки и в процессе трактовки кантовской терминологии. То есть согласно такой позиции кантианство объявляется в общем-то не совсем и философским направлением. Таким образом,

кантианство априори признается неактуальным, философски малопродуктивным направлением философских исследований.

И если в Германии кантианство, успешно развенчивая вышперечисленные предубеждения, существует как сильное авторитетное направление, оказывающее существенное влияние на формирование «философского климата» всей европейской философии через свое представительство в журнале «Кант-штудиен», Кантовском обществе, многочисленных кантовских семинарах, через проведение, причем в разных странах и на разных континентах, регулярных кантовских конгрессов и других научных мероприятий, посвященных творчеству великого немецкого философа, то в России мы можем говорить только об отдельных философах-кантианцах, несмотря на наличие международного журнала «Кантовский сборник», Кантовского общества, кантовских конференций, семинаров и т.п., численность которых едва ли превышает количество пальцев на одной руке. Именно к таковым принадлежит и профессор Леонард Александрович Калининков.

Так что же такое кантианство, духом и буквой которого пронизаны все работы этого выдающегося калининградского ученого? Необходимо признать, что кантианство образца Калининкова — это яркий пример добросовестного служения кантовской трансцендентальной философии, что означает постоянное стремление к актуализации кантовского наследия, к прояснению ранее скрытых смыслов.

Если попытаться схематично и общо представить исследовательскую установку современных философов-кантианцев и философов-не-кантианцев, то последние в большинстве своем исходят из того, что при всей гениальности философской системы немецкого философа существует несколько моментов в ней, которые изначально закладывают возможность иного не-кантовского решения. Во-первых, те приоритеты в философской системе трансцендентализма, которые отстаивает Кант как один из представителей философского трансцендентализма, в свою очередь, базирующихся на определенных априорных основоположениях, могущих быть оспоренными при другом подходе. И во-вторых, решения, которые Кант предлагает в рамках этого философского подхода, предлагаются человеком определенной исторической эпохи, находящимся в определенной научной, культурной, социальной, языковой, религиозной и т.п. среде. То есть философские предпочтения и историческая обусловленность в кантовских концептуальных предложениях есть основания для полемики и/или иной интерпретации. Кантианцы, напротив, полагают систему немецкого философа стройной и сущностно самодостаточной, пока не до конца понятой и раскрытой, а исторические обусловленности — не принципиальными и не затрагивающими сущности системы, то есть выводными, а не определяющими, а потому и могущими либо не быть принимаемыми во внимание, либо легко быть замененными на современные. Причем здесь нельзя говорить о догматизации кантовской философии или о начетничестве со стороны кантианцев. Напротив, их подход к анализу трансцендентальной философской традиции вполне самостоятелен и творческий.

Одно из главных требований к философу, стремящемуся быть причисленным к кантовской традиции со стороны кантианцев, — это, конечно, не только требование прекрасно знать все малейшие нюансы кантовской системы, но и понимание ее как живого организма, с кото-

рым исследователь должен находиться в постоянном продуктивном диалоге. А вступить в диалог с Кантом — это великая честь и великий труд, доступный не каждому. Без всякого сомнения, он давно и с успехом доступен Л. А. Калининскому.

Свою верность единственной «философской любви» — следует добавить любви взаимной — сам Леонард Александрович объясняет просто: «Кант и его философская система, которую он называл трансцендентальным идеализмом, — я в одной из своих работ определил ее как систему трансцендентальной антропологии, — остается самой живой и действенной философией современного мира. Она обладает одним решающим преимуществом, которого не имеют иные философские теории как XIX, так и только что отступившего за черту горизонта XX века. Эти теории описывают и объясняют значимые, существенные черты, но черты *наличного состояния* общества, черты болезненные, порой требующие острой реакции; однако теории эти не имеют, а потому не дают, не открывают какой-то фундаментальной, удовлетворяющей людей и поднимающей их дух перспективы. Кант же такую перспективу дает, дает через два столетия после смерти, дает перспективу трудную, ответственную, бесстрашно-героическую, но внятную и притягательную для каждого готового быть ответственным за самого себя и не страшась быть ответственным за мир свободного самостоятельного лица. Как отчаянию, так и прекрасно-душному легковесному оптимизму Кант противопоставляет оптимизм мужественный и трезвый, оптимизм уверенного в своих силах человека, оптимизм, и это самое важное, не предела, а *пути...*»¹

Как минимум, от двух философских направлений, с разных сторон предпринимающих пересмотр кантовской философии и приобретших известность как в отечественной, так и в западной философской традиции, решительно защищает Канта Л. А. Калининский: от неокантианства и от русской религиозной философии. В неокантианстве, которому достается больше, он открывает мимикрию под Канта, поэтому нещадно критикует и разоблачает такую подделку. Леонард Александрович указывает на опыт Фихте, который ведь тоже полагал себя учеником и продолжателем дела Канта, но никто его не причислял и не причисляет сегодня к неокантианцам.

Русской религиозной философии от нашего философа достается меньше, так как он считает влияние Канта на нее в определенном смысле благотворным. Но и здесь Л. А. Калининский, не боясь выглядеть непатриотично, вскрывает очевидные философские ошибки и заблуждения русских религиозных философов. Он выделяет две основные идеи, по которым позиции Канта и его русских визави принципиально расходятся: «Первая из них приобрела название *Человекобожия*: Бог есть рожденная человеком идея, человек сам — *творец* окружающего его мира. Это Человек для Человека — Бог! *Homo homini Deus est!* Этой идее Канта русская религиозная философия противопоставила идею Богочеловечества: *Бог* направляет стопы и помыслы людей на совершенствование и возможность сподобиться ему, и если Христос вочеловечился ради нашего спасения, то всем нам надлежит обожиться.

Вторая решительная идея заключается в том, что Кант отвергает достижение абсолютного знания и конечного завершения процесса познания

---

¹ Калининский Л. А. Кант в русской философской культуре. Калининград, 2005. С. 12.

мира; процесс познания, как и исторический процесс в целом, не может завершиться в какой-либо конкретный момент. Идея конца истории, когда «*времени больше не будет*», ему абсолютно чужда. Он, правда, не исключает нелепой и противоестественной ситуации «конца мира», если вдруг человечество откажется от разума, от своей подлинной и единственной сути — тогда оно способно уничтожить само себя. Однако Кант не верит, что люди допустят такой позорный конец. "... Не обратимое более вспять шествие к лучшему" — вот что следует ожидать, наблюдая за ходом истории»².

В целом всем тем, кто в своем философском дерзновении «замахивается» на переделку Канта, Л. А. Калининков советует поразмышлять над следующими словами человека, всю свою творческую жизнь посвятившему защите чистоты наследия немецкого философского гения: «...если кажется тебе, что Кант в чем-то ошибается, ищи сначала ошибку в своем собственном разуме»³.

В. Н. Белов,
д-р филос. наук, профессор,
зав. кафедрой философии культуры и культурологии
Саратовского государственного университета
им. Н. Г. Чернышевского

---

² Калининков Л. А. Указ. соч. С. 19.

³ Калининков Л. А. О необходимости переоценки неокантианства в свете современной интерпретации системы И. Канта // Неокантианство немецкое и русское: между теорией познания и критикой культуры / под ред. И. Н. Грифцовой, Н. А. Дмитриевой. М., 2010. С. 61.